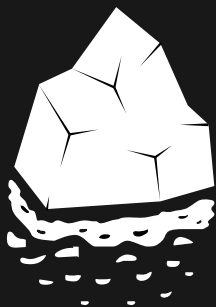

ПАВЛЮК ДМИТРИЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

БОЛЬ

ПАВЛЮК ДМИТРИЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

БОЛЬ

Боль побуждает человека мыслить.

А то, что побуждает мыслить,
больше самих мыслей.

СИНГУЛЯРНОСТЬ

«Я ведь хочу этого. Помни, что ты хочешь этого. Стремись! Ты ведь хочешь этого? Пробуй и добивайся» – твердил он себе. Его губы беззвучно выговаривали слова, пальцы, зажатые узкими перчатками, сжимали руль.

Педаль газа. Его ступня нежно, в то же время и нервно, постукивала по ней. Машина на секунду дергалась с места, двигатель взрывался жутким, диким ревом, но замолкал. Клубы пыли лились из под колес. Толпа в напряжении.

Сотни камер, зрители, не помещаясь на трибунах, толпились у перил, забирались на деревья и ограждения.

«Ты сможешь» – сказала его мама. «Ты сможешь» – сказал его брат. «Мы верим» – сказали его друзья. Еще отец... Он наговорил странных вещей. «Подумай» – пронесся в голове его размеренный тихий голос.

– О чем подумать? – спросил он.

Отец молча поставил стакан воды на тумбу.

– О чем подумать, отец? – спросил он снова – О том, что ты мне предложил? Да это бред! Я не смогу! Это... Это не для меня, понимаешь? Это...

Отец не поднимал взгляда. Смотря куда-то вниз, он стоял и слушал. Вернее, слышал, но не слушал, будто пребывая в глубоких раздумьях. Его брови, с чуть проступившей сединой, нахмурились, а губы сжались.

– Ты же знаешь, я мечтал об этом с детства! Этот прыжок – все для меня.

Он взглянул на отца.

– Отец! – закричал он.

Толпа ликовала. Диктор, крича в микрофон, произносил его имя. «Первый гонщик в истории, решившийся на такой продолжительный прыжок! Это невероятно!». И крики. Толпа в восторге, стоит лишь сказать определенные слова с определенной интонацией – и чувство величия момента обеспечено.

«Ты хотел этого. Ты ведь еще хочешь? Конечно, ты хочешь!».

– Главное – желание! – сказали ему в страховой компании, хлопая по плечу и расплываясь в четкой, безукоризненной улыбке. Он пожал им руку, бросил ручку на стол и посмотрел на бумаги. «Главное – желание...».

Это ведь так просто... Зажми педаль, держи

руль, смотри вперед и... молись. Надейся. Дальше все пойдет так, как пойдет. Дальше все будет, как...

Они с отцом не могли удержаться от смеха. Волны, мелкие, бьющиеся о борт их лодки, хлюпали, мялись. Они не могли остановиться. Смех лился из них, прямо из их животов.

Солнце все ниже опускалось к волнам, все ускоряя и ускоряя свое падение. Еще чуть-чуть, и раскалённый шар опустится в воду, которая, казалось, тут же вспенится, зашипит, и пар окутает небо.

Им все еще смешно. Их уносило все дальше и дальше от берега. Лодка качалась на волнах. Они лежали на дне, переводя дух, и смотрели на меняющееся цвет небо.

Тогда он неверно привязал лодку. Узел разошелся, и пока они разгружали вещи, лодка отплыла от берега. Тогда отец сказал слова, смысл которых он до сих пор не понял...

Как это было? Кажется: «Неосознанные поступки могут увести тебя очень далеко от дома». Чтобы ни значили эти слова, они так и останутся словами из воспоминаний.

Кожаные перчатки скрипели от любого движения, куртка, брюки – все из несгораемого материала. Ремень застегнут, в шлеме по лицу сте-

кает пот. Он видел, как танк проезжал по этому шлему, и тот остался цел. Но ему беспокойно. Смотря вперед, на прямую дорогу, трамплин, он представляет себе триумф, авации, восторг на лицах, но... во все это врывается нечто темное, и становится... страшно.

Врезав по рулю, переведя дух, растрясшись всем телом, он несколько раз стукнул по шлему, включил радио, и узкое пространство, захваченное металлическими решетками, заполнилось странными, полумелодичными грубыми звуками.

Музыка не надолго отвлекла его от мыслей. На трибунах пестрели людские тела. Огромные белые кисти с поднятым вверх указательным пальцем, баннеры, на которых красным написано: «Вперед! К мечте», «Ты сможешь!»... На одном из них чье-то имя. Чье-то, но не его. Они смеются? Или просто ошиблись?

Солнце пробивается сквозь крышу. Сквозь засыпанное песком стекло. Жара. Машина нагрелась, и, пожалуй, на капоте легко можно пожарить яичницу. Он чувствует, что хочет есть. И что нога его подрагивает. Лежа на педали, как на спусковом крючке пистолета, приставленного к его виску.

– Ты уверен?

– Да! А почему нет? Здесь все дело в скоро-

сти...

– Нет. Не все. Угол тоже имеет значение.

– Думаешь, слишком мал?

– Естественно, он слишком мал! Ты не пролетишь и 20-и метров. Это... Безумие это!

– В этом и заключается рекорд, понимаешь? На большом трамплине смог бы любой.

– Ерунда! Не любой! Да ты послушай себя! Это же...

– Я не буду его увеличивать. Не. Буду. Ясно? Если я его увеличу...

– Ты...

– Если я увеличу – это будет не мой рекорд! Это будет даже не рекорд, ясно?

– Да послушай...!

– Нет! Ты говоришь одно и то же, а я отвечал тебе на это сотню раз. Если ты думаешь...

...Музыка уже не спасала, мысли лезли в голову и заглушали ее, а вместе с ней и рев мотора, шум толпы. Он смотрел сквозь стекло, сквозь солнечное утро на трамплин, который теперь оказался чертовски мал. Чертовски мал – и теперь он сам видит это.

«Все дело в скорости...» – подумал он. Может, все обойдется? Может, нужно было продумать все лучше?

Уверенность в себе подкреплялась лишь об-

щественным мнением – сдать назад нельзя. Все эти люди пришли увидеть его прыжок – самый длинный в истории. Тот самый прыжок, к которому готовила его жизнь и к которому, как оказалось, он совершенно не готов. Но ему так хочется!

Эта мысль придала ему сил. Ему так хочется! Он хотел этого всю жизнь. Он ждал этого всю жизнь. И он сделает это. Сегодня. Отложить на время и тщательнее все продумать? Где же, тогда, кончается вся эта тщательность, верно?

«Я ведь хочу этого. Помни, что ты хочешь этого. Стремись! Ты ведь хочешь этого? Пробуй и добивайся. Ты хочешь этого. Это то, чего ты всегда хотел».

– Я хочу этого – сказал он вслух.

Диктор в своей будке выкрикивал его достижения, расхваливал его, преподносил толпе, которая восторгалась им. Ему захотелось вылезти из машины, показаться, взмахнуть руками и смотреть, как люди любят его, как они восхищены им. Это было жутко приятно осознавать – будто то, что ты делаешь, оценено, и оценено по достоинству.

Как он может разочаровать их? Да он и не хочет! Он никогда не хотел никого разочаровывать... Сегодня она пожалеет, что так поступила

с ним. И те слова, что сказала ему, снова будут колоть сердце. Но не его сердце. Ее сердце. Он помнит, и она, наверняка, тоже помнит все в мельчайших подробностях. Он винил ее, она винила его, но, в сущности, он знал, что виноват. Он... Он просто не хотел уходить вот так. Как подонок. Он... ждал, пока это не стало невыносимо для нее, и тогда его уход был бы милостью.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Да – ответила она, всхлипнув и смахнув снова накопившуюся слезу.

Они молчали. Он не знал, что сказать, а она ждала, что он скажет хоть что-то, чтобы спасти их. И была разочарована, когда все, что он сказал, он говорил лишь для того, чтобы спасти себя.

– Я не подпишу.

Она снова всхлипнула и закрыла лицо руками, пытаясь взять себя в руки и не моргать так часто.

– Я и не рассчитывала, что хоть раз в жизни ты сделаешь что-то ради меня.

Его это взбесило, он смахнул все со стола и наговорил еще много. Но сегодня... Он надеется, сегодня она смотрит, видит, гордится им.

Вдруг – его имя. Отвлекся. Пропустил. Публика в нетерпении повторяет его имя, как эхо, кричит. Педаль. Газ. Клубы пыли, мелкие камни

бьются о корпус. Его прижало к сидению, а машина несется, ревет, от капота поднимаются расплывчатые волны горячего воздуха.

Трамплин впереди возмат, линия невозврата все ближе. Еще можно остановиться... «Нет! Не хочу! Вперед!».

Толпа неистовствует. Диктор выкрикивает фразы, предложения, слова. «Поприветствуем смелого гонщика и его железного монстра – сингулярность!» Его сердце бьется, а в груди по венам расходится волнение.

«Естественно, он слишком мал... И 20 метров... Ты не долетишь...» – все еще можно исправить, всегда есть второй шанс.

«Ты хочешь этого. Ты этого хочешь».

Его нога все сильнее прижимает педаль газа к полу. Переключая скорости, с каждой – все ближе к цели. Он слишком мал. Он слишком мал, а обрыв, расщелина, другая сторона – все такое огромное. Трамплин кажется мизерным по сравнению со всем этим.

Он замечал, как с приближением все растет. Все, кроме одного – трамплина. Такой же маленький, такой же одинокий.

Все трясет, колеса мчат по гравиям, подпрыгивая на каждом мелком камне. Вцепившись в руль, он смотрит перед собой. Плевать на все.

Риск есть везде, верно? Это и есть рекорд!

«Ты сможешь!»

«Мы верим!»

«Подумай...»

Машина оторвалась от земли и взмыла вверх. Солнце било всей своей мощностью прямо в лицо. Казалось, будто он в невесомости. Все тело будто стало пушинкой, вся стокилограммовая машина зависла в воздухе. Неопишуемое чувство свободы. Легкости. Скорости. Все звуки прекратили свое существование, а время сузилось и текло, текло, расплывалось у него в руках, таяло, исчезало.

– О чем подумать, отец!? – пытался он докричаться до него, краснея. Вена на его виске вздулась.

Отец поднял глаза на сына. Они были полны спокойствия, разумности... и, кажется, немного печальны.

– Подумай о людях – сказал он – О людях, которые окружают тебя. О близких. О тех, кому ты важен...

Под ним раскинулась пропасть. Колеса прокручивались в воздухе, смахивая пыль...

– Подумай о семье – продолжал отец – О детях, которых ты можешь иметь. О прекрасной жене, которую я вижу рядом с тобой. Которая

ждет тебя, хоть и ни ты, ни она об этом не знаете...

В лобовое стекло он прекрасно видел другую сторону обрыва. Капот его машины начал медленно опускаться...

Отец замолчал. Сын смотрел на него с непониманием.

– Подумай вот о чем: не сделают ли твои желания невыносимо больно всем этим людям?

В ПОИСКАХ СЕБЯ

В поисках себя я забрел в лес. Свой собственный лес, какой есть у каждого ныне живущего, какой был у каждого ныне усопшего и какой будет у всех, кто найдет дерзости родиться. Тот лес, куда мы убегаем от всего, что нас окружает, где бродим часами, порой отламываем высохшие ветки, порой сажаем новые семена, которые или погибают, или дают ростки: иногда мелкие, незаметные кустики, а иногда – величественные, крепкие деревья, чьи корни уходят глубоко под землю, переплетаясь, пропитывая ее, как влага.

У каждого он свой, и заглянуть в него может лишь хозяин, другим путь туда навеки закрыт, они могут судить о нем лишь по рассказам, которые, в сущности, никогда не смогут передать его в полной мере.

Я часто заглядывал в него, и теперь он манит меня. Стоит зайти в лес однажды – и ты вернешься, непременно вернешься, и с каждым разом

будешь проводить в нем все больше и больше времени. Ты и не заметишь, как ноги сами уносят тебя в его темные недры.

Многие лишь изредка забегают в свой лес из надобности, а затем быстро выбегают, боясь углубиться, сойти с тропинки и навеки потеряться в нем, отчего он редет и медленно иссыхает. У некоторых леса слишком густые, в них не пробраться, потому как всюду то и дело высывается и мгновенно прорастает новое тонкое, хлипкое деревце, которое легко поддается дуновению ветра и ломается, а на его месте тут же вырастает другое. У многих в лесу есть всего одно дерево, которое они холят и лелеют всю жизнь, заботятся о нем днями и ночами, ждут, пока оно даст корни и плоды, но их все нет, а дерево похоже на огромный столб, врытый в землю. Мой же лес был другим.

Деревья в нем были высоки, но корни не держали их, и зачастую в нем раздавался треск и грохот – так падали огромные, крепкие стволы, ломая ветви. Изощренные переплетения ветвей закрывали солнечный свет, потому в лесу было темно и холодно – редко можно было встретить теплый луч света, пробившийся сквозь густую листву. В нем легко было заблудиться – даже я порой не мог найти из него выхода.

Слишком долго я пренебрегал им, слишком долго отводил взгляд, слишком долго искал ответов не в том месте. Настало время узнать его, отбросить страх и проникнуть в самую суть, постичь его тайны.

Потому я здесь. Шагая по узкой тропинке, вытоптанной мною уже давным давно, я оглядывался по сторонам, вглядываясь меж стволов в темноту, уходящую далеко вглубь. Я дано здесь не был – некоторые тропинки заросли и исчезли, некоторые деревья повалились и перекрыли путь, сотни ветвей пали на землю и хрустели под ногами. Во всех сторон раздавались шорохи. Это зверюшки, причудливые и милые на первый взгляд, но жестокие и опасные.

Я, наконец, решился сойти с тропинки. И вот я стою у самого края, всего один шаг отделяет меня от темного, таинственного леса, я ощущаю его холодное дыхание всем телом, я чувствую, как что-то смотрит на меня из его темных глубин, и я делаю первый шаг. Что-то тут же хрустнуло у меня под ногой, я почувствовал мягкую траву, земля была рыхлой и холодной, как после дождя, пахло зеленым, воздух был совсем другим, тяжелым, пробирался в легкие и будто бы давил на тебя изнутри, и я сразу ощутил, будто попал совершенно в другое пространство, другую мате-

рию, неподдающуюся никаким глупым законам и определениям. Мне казалось, взмахни я рукой, все вокруг придет в движение, и как круги на воде, вся эта картина задрожит, расплывется, а затем вновь обретет покой и примет прежнюю форму. То же самое было и с землей: вся она насквозь была пронизана мощными корнями, они извивались, как змеи, там и тут, и в совокупности составляли огромные волны, идущие одна за другой, видимо, от центра, где что-то тревожило уже не водную, а земную гладь.

Мне пришлось залезть на один, и продолжать путь, прыгая с одного на другой, скользя и падая на твердые корни и мягкую землю, но мне жутко хотелось двигаться, хотелось бежать внутрь, глубже и глубже, чтобы воздух становился тяжелее, чтобы спотыкаться о корни, падать, вставать и бежать дальше, чтобы ветви хлестали меня по лицу, чтобы ветер толкал меня обратно. И я бежал. Бежал, не оглядываясь, почти закрыв глаза, ощущая, как я рассекаю собой то мягкое пространство, некогда пребывавшее в спокойствии, а теперь встревоженное моим появлением.

Непослушные корни вдруг начали будто бы расступаться передо мной, уходить в землю, оставляя тонкую полосу ровной земли, по которой, как я понял, мне и нужно было бежать.

Ведь это мой лес, и он, видимо, рад моему появлению. Он вел меня, мне вдруг стало намного легче дышать и бежать, я, наконец, ощущал себя именно там, где я и должен был находиться прямо сейчас, на своем месте. И это нравилось мне, я бежал, не задумываясь, бежал неосознанно, меня несла река забвения, течение уносило меня, а я и не знал куда.

Я обернулся. Лес остался позади, а я стоял на пустынном поле, где в землю уходили последние зеленые ростки. Здесь было пусто, здесь можно было бежать, можно было кричать, воздух здесь был почти незаметен, не было мешающих идти корней. Не было ничего, и это было хорошо. Но нужно ли это мне? За этим ли я здесь? Я знал ответ, и, развернувшись, медленно пошел обратно.

Я был неправ. Лес не любит, когда его тревожат, а тем более, когда по нему бегут, не зная, зачем и для чего. Лес создан для того, чтобы чувствовать его таким, какой он есть, с его тяжелым воздухом, выпирающими корнями, с ветками, бьющими по лицу – в этом и есть его смысл, его первозданная красота, его неотъемлемая черта, без которой он был бы не лесом.

Я вернулся, я вновь в лесу, но я сбился с пути и не знаю, куда я шел раньше. Все поменялось,

все стало каким-то другим, я уже не узнавал свой лес, но я должен был привыкнуть к этому, ибо другого пути у меня нет, ибо лес меняется, и чем больше я узнаю, чем больше я размышляю о нем, тем больше он становится, тем причудливее становятся деревья, тем глубже они уходят вниз и выше стремятся вверх. Это неизбежно.

Мне пришлось искать другой путь среди всей этой мешанины, и я решил просто идти, потому как все пути приведут меня к чему-то, чего я никогда не видел раньше.

В моем лесу было тихо. Это была та тишина, какую хочется слушать вечно. Ее некому было нарушить, ничто не могло испортить ее сладостной музыки. Я шагал вперед, оглядывая препятствия, смотря перед собой и думая о чем-то, как вдруг услышал чьи-то тихие мягкие шаги по обе стороны от меня. Они осторожно ступали по траве, и в оглушающей тишине я мог четко услышать хруст каждой сломленной травинки. Я обернулся направо, вглядываясь в лесную чащу, в поиске хоть какого-то движения, но все вдруг затихло. Я обернулся в другую сторону, но и там не обнаружил ничего странного. Тишина вновь обрела господство над этими землями, и я, в легком недоумении, которое, однако, вскоре забылось, продолжил путь. Но стоило мне снова ускорить

шаг, как я вновь почувствовал, что кто-то наблюдает за мной, идет за мной по пятам и будто бы выжидает удобного момента для нападения. Я вновь отчетливо услышал эти тихие шаги по обе стороны от меня, и теперь, не останавливаясь, я медленно косился направо, пытаюсь хоть что-то разглядеть.

В темноте, за деревьями, я вдруг увидел огромную, покрытую серой шерстью ногу неизвестного мне существа, похожего на саблезубого тигра, как мне показалось. Я видел, как грациозно двигались его плечи, как гигантские лапы ступали так мягко, что казалось, он весит не больше меня. Я медленно обернулся в другую сторону и увидел там точно такое же существо, сопровождающее меня. Меня охватил страх, я отвел от них взгляд и смотрел прямо перед собой, боясь сделать лишнее движение или дернуться, ведь в любую минуту они могли накинуться на меня и просто-напросто раздавить. Но они не нападали, они просто шли, как телохранители, рядом, почти незаметно и тихо. Как бы я ни старался, как бы не замедлял и не ускорял шаг, они неустанно шли рядом, скрываясь за деревьями, и я чувствовал это. Листва изредка шуршала, когда они задевали ее своими мускулистыми спинами, ветки хрустели и ломались,

когда они медленно подбирались сквозь лес ко мне, неизвестно зачем и для чего.

Я просто шел вперед, ожидая худшее и надеясь на лучшее, готовый в любой момент рвануть куда-то, и они, кажется, чувствовали это. Они знали, что рассекречены, и больше не исчезали, когда я останавливался и смотрел на них в упор. Они останавливались вместе со мной и медленно опускали голову, так что сначала я видел их огромные клыки, а затем и большие и свирепые желтые глаза, светящиеся в темноте. В эти моменты тишина казалось убийственной, она сверлила мозги и подыгрывала этим страшным желтым глазам и темноте вокруг, скрывавшей от меня нечто невообразимо огромное. Они скалили зубы и тихо рычали на меня, эти гигантские охранники, и я продолжал идти.

Постепенно я начал привыкать к ним, страх ушел и я не чувствовал почти ничего, кроме интереса. И это им явно не нравилось. Они будто чувствовали мои собственные чувства и ненавидели их, мне казалось, поддайся я страху еще сильнее, он бы и вовсе разорвали меня на части, радуйся я тишине, они бы проглотили меня заживо.

Мой лес не любит, когда я чувствую что-то, и прогоняет меня, сначала по хорошему, а по-

том и вот так, по плохому. И я все понял. Если ты забрался в него, если осмелился зайти в него, если захотел быть с ним, то забудь о себе, забудь обо всем, что ты видел раньше, забудь все, чему тебя учили, все, что ты точно знаешь, потому что здесь это не имеет никакого значения. Забудь все свои ощущения, выбрось из головы все свои чувства, положишься лишь на разум – и тогда ты сможешь дойти, тогда ты выживешь здесь, тогда ты станешь тем, кем ты должен быть.

Я чувствовал, как мой лес расширялся с каждой минутой моего пребывания в нем, он становился гуще, деревья становились извилистее, все будто бы старалось не дать мне двигаться дальше, остановить меня, потому что я подобрался слишком близко к центру. Ряды холмов становились все чаще, а это означало, что я почти на месте – там, где все и началось, там, где нечто посмело встревожить спокойствие этой земли, привести ее в движение, посеять первое семя, послужившее началом всему моему обширному лесу.

Мне становилось невыносимо тяжело, что-то происходило со мной, в моей голове закружились, заиграли сотни мыслей, казалось, весь мир вдруг решил залезть ко мне в голову. Калейдоскопы разных картин из прошлого, ненастояще-

го, выдуманного предстали передо мной, и я не знал, куда мне смотреть, что делать, все потеряло какой-либо смысл, все стало настолько нереальным, что мне казалось, будто и сам я вовсе не существую, что я всего лишь сгусток некой энергии, затерявшийся где-то в воздухе, я отделился от собственного тела, я потерял связь со всем, что казалось мне верным, я был совсем один в своем лесу и видел всю его зловещую мрачность, всю невыносимую правду.

Мне хотелось уйти, раствориться, захлебнуться этим тяжелым воздухом, но я не мог сделать ни единого вдоха, воздух будто убегал от меня, пока я задыхался, не умирая. Деревья становились то толще и ближе, давили на меня, сжимали в свои тески и не желали отпускать, то отодвигались дальше, оставляя меня на пустой и темной опушке, лишенной хоть какого либо проблеска света. Ветви цепляли меня за ноги, я рвался, а они вновь обвивали меня, тянули назад, отталкивали, не давая пройти, но я рвал, ломал их, упорствуя. Я был на краю отчаяния, Мне хотелось кричать, но что-то сдавливало горло, мне хотелось звать на помощь, но никого не было рядом, мне хотелось отвлечься, но все, что я видел – мой лес, решивший ополчиться против меня, решивший навеки заточить меня в себе,

пронизывать меня острыми ветками и не отпускать. Земля уходила из под моих ног, но возвращалась.

Но я рвался вперед, я бился со своим же лесом, бился и проигрывал, но не желал отступать, пути назад у меня не было, я готов был сбросить с себя свое тело, разорвать свою грудь и скинуть с себя всю плоть, как комбинезон, чтобы никто и ничто не смогло уцепиться за меня, и продолжить идти, но мои руки обвили крепкие ветви и я не мог даже пошевелиться. Это был конец, я думал, что это конец, я не видел пути, ветви тянули меня в разные стороны и, казалось, прямо сейчас разорвут меня на части, я упаду на мягкую холодную землю и исчезну.

Но вдруг я заметил что-то, похожее на дверную щель, откуда сочился белоснежный свет. Я не мог поверить в это, я не мог верить ничему. Меня будто выворачивало наизнанку, но этот свет успокаивал, убаюкивал меня, заставлял затихнуть нарастающий шум листвы, выбрасывал из головы весь бардак и освобождал место только для себя. Я не чувствовал больше, как что-то давит на меня, любые оковы стали совершенно безобидны, я двинулся вперед, настолько легко мне было тогда, что казалось, будто бы я вовсе не касаюсь земли, а парю в пространстве.

Я забыл обо всем: о дыхании, о боли, о тяжести – все это было настолько мелко и незначительно по сравнению с этим белым светом. Я медленно двигался к нему, все отчетливее и отчетливее различая очертания двери. Мне вовсе не показалось странным ее присутствие, я в каком-то роде давно знал, что она будет здесь, ведь этот лес мой, а значит, и все в нем – мое.

Дверь находилась в небольшом углублении, откуда по земле шли небольшие волны. Она была центром, от нее все и идет. За ней, возможно, находится то, что я так долго и упорно искал – ответы. Больше, чем мне нужно, больше, чем вопросов, что я задавал. Я дотронулся до ручки, она не была ни холодной, ни теплой, ее не было вовсе, я лишь представил ее.

Дверь открылась, но свет был настолько ярок, что я не видел ничего, кроме чистого белого пространства. Я тянулся к нему, а оно тянуло меня к себе, поглощало мой разум, очищая его, ставя все на свои места. Я был совсем рядом, я уже ощущал его тепло, как вдруг все резко изменилось. Все потухло. Меня охватило неприятное ощущение, я вдруг снова стал осознавать все происходящее, мир вокруг меня и мое собственное тело, еще живое, но будто бы вот-вот должное умереть.

Я посмотрел вниз и заметил, как огромная толстая ветка пронзила мой живот, как медленно она ускользает обратно, совершив то, что должна была, как неприятно скользит меж ребер, как касается поврежденных тканей, вызывая жуткое ощущение боли, будто бы не моей, а чужой. Я взглянул вверх, но свет пропал, и в двери царил мрак. Все рушилось, деревья падали, ломались, все будто бы горело, я слышал отчаянный рев двух моих спутников, со всех сторон сыпались тлеющие листья, иссохшие ветви падали и рассыпались на сотни щепок, земля дробилась на части и тряслась, будто бы из недр ее вот-вот вырвутся потоки раскаленной лавы, все шумело, кричало, но я уже был далек от всего этого.

Ветка, убившая меня, резко вырвалась из моего полумертвого тела и унеслась куда-то, лишив меня всякой опоры. Я пошатнулся, ноги, которых я не чувствовал, как, собственно, и рук и тела в целом, не держали меня. Я наклонился вперед и медленно начал падать в дверной проем, полный тьмы. Меня обдало ледяным холодком, я будто бы разделялся надвое – тело и сам я, мое сознание, мой разум. Я видел себя со стороны, как безжизненный кусок мяса падает в неизвестность, а я стою на краю и наблюдаю его падение, его смерть, и в то же время мои

глаза видели дверной проем, в котором лес мой умирает вместе со мной, видели черную пустоту, окружающую меня со всех сторон. Проем удалялся, в нем лес умирал вместе со мной.

Мне почему-то захотелось спать, захотелось уйти от всего этого как можно дальше, уйти от моей мучительно долгой смерти и забыть о ней, как о сне. Я закрыл глаза, но ничего не изменилось, и мне даже показалось, что я их вовсе не закрыл, будто нужно закрыть еще раз.

Я засыпал, мысли путались и улетали далеко от меня, я не мог их поймать, потому что падал вниз, когда они стремились вверх. Все исчезало вместе со мной, я все еще падал.

Я не помнил, как очнулся, я просто вдруг осознал, что не сплю, что соленая вода бьет меня по лицу, что в рот и нос забрался песок и что я не могу дышать. Песок был холодным и мокрым, как после дождя, и это было даже приятно. Приятно не так, как обычно, приятно совершенно по-другому, намного легче и необъяснимее.

Я открыл глаза: серое мрачное небо, затянутое тучами, недвижно стояло на месте и в то же время менялось, будто бы внутри него что-то двигалось. Тучи были высоко, но, казалось, протяни руку, и достанешь до них, не вставая на носки.

Я промок, но меня не знобило, несмотря на довольно сильный ветер. Я лежал у берега бескрайнего темного океана, слившегося на горизонте с серым небом. Большие волны мерно разбивались о берег в тщетной попытке убежать из океана на сушу, пытались, ползли как можно выше по темному песку, пока океан не затягивал их обратно. Казалось, он дышал, двигался как одно большое существо. Он тянул и меня к себе, но мне нравилось лежать на берегу, нравилось слушать шум волн и нравилось, как они щекочут мне щеки.

Я лежал, и ничего не менялось, я лежал бы там вечность, отдыхая и ни о чем не думая, просто слушая, чувствуя, ощущая, дыша. Это был такой момент, когда ты ощущаешь не телом, а душой, чем-то большим, чем нервы на твоих руках, больше, чем чувства, вызванные выплеском гормонов. Это ощущение себя самого, принадлежщего чему-то большому, соединившегося с чем-то прекрасным, чем-то великим, могущественным, сильным.

Мои глаза закрывались, океан убаюкивал меня музыкой прибоя, минутное мое пробуждение от смерти подходило к концу и мне казалось, я не увижу этот океан еще хоть раз, не услышу его, не почувствую его, не стану его частью, не

утону в нем с головой. Это был мой последний шанс на жизнь, это последняя предсмертная иллюзия, какой пичкает меня мое сознание, отвлекая от смерти, от конца моего существования, от гибели меня самого, когда тело давно пребывает в вечном сне, в забытии, в котором вскоре окажусь и я.

Мне было хорошо, но я не старался удержать этот момент, не пытался через силу открыть глаза и изо всех сил бороться с тем, чтобы не уснуть. Я подчинился смерти и она стала моей путевой звездой, моим проводником в иной мир, в ничто или во все сразу. Если я видел этот океан, это неестественное небо, значит, это была часть смерти и ничего с этим не поделать, нужно принять это таким, какое оно есть, потому что все так, как должно быть, а вовсе не так, как будет лучше нам. Я мертв, и мне больше нет смысла заявлять о своем мнении и своих правах, ведь даже тело дано было мне в аренду, и пришло время возвращать долг.

Я и не хотел бороться, ведь тогда ушел бы этот момент, хоть и короткий, но столь значимый, столь прекрасный, ценный сам по себе, ценный своей ограниченностью во времени, ускользающим мгновением, отведенным именно для него. Я почувствовал себя ребенком, которому нуж-

но идти домой для дневного сна. Не хватало мне тогда лишь теплого ласкового солнца, проступающего на несколько секунд из-за туч.

Я заснул. Все погрузилось в ставший уже привычным мрак, но я все же очнулся. Я вновь открыл глаза и вновь оказался на том же пляже, только теперь волны подобрались совсем близко и качали мое тело, которое почти не касалось песка. Я в испуге вынырнул из воды, судорожно пытаюсь вдохнуть, но воздуха не было, хотя я вовсе не задышался. Я приспособился к несуществующему пространству вокруг себя уже через несколько секунд, если здесь было время, конечно.

Небо все еще бурлило, трансформировалось во что-то, съедая само себя и изрыгая переваренные тучи обратно. Океан был спокоен, темные безмятежные воды покоились на бесконечном пространстве, не имеющем конца. На горизонте не было ничего.

Я встал и решил пройтись по песку вдоль берега, надеясь отыскать хоть что-то, что помогло бы мне разгадать эту тайну, эту загадку моего океана. Я смотрел под ноги, наблюдая, как волны одна за другой обвивают мои лодыжки, поднимая песок и вспенивая воду, тут же затопляя образованные мной ямки, смывая с холодного

темного песка мои следы. Странно, что отсутствие воздуха не мешало ощущению свежести, запах океана явно ощущался, соленая вода витала в пространстве вокруг, будто бы я уже был в воде, на самом дне.

Через десять минут прогулки мне стало казаться, что я хожу кругами, чувство де жа вю не покидало меня ни на секунду. Мне захотелось бежать. И я побежал, быстрее, чем мог себе представить. Я бежал вдоль берега, пока не наткнулся на чьи-то следы. Они глубоко вошли в песок, будто бы кто-то с силой отталкивался от земли, волны еще не успели смыть их окончательно, так что я мог с легкостью догнать человека, идущего впереди меня. Я побежал. Шаги становились все отчетливее, я был совсем близко, как вдруг следов стало две пары, причем первая начиналась из ниоткуда, просто появлялась и тянулась вдоль первой, будто бы сопровождая ее.

Я поднял глаза, как вдруг увидел фигуру человека в белой футболке и темно-синих штанах. Он стоял на одном колене, как я сейчас, рисуя что-то на песке. Казалось, он спешил, все его движения были резкими и напряженными, он будто бы боялся упустить что-то важное. Я следил за ним, не решаясь подойти. Он начал выкапывать что-то из песка, как безумный, охваченный на-

вязчивой идеей о том, что ядро земли можно поддержать в руках. Он постоянно оглядывался на океан, проверяя, не исчез ли тот, пока он копался в песке.

Подойдя ближе, я понял, что он рыл песок руками. Чем глубже он рыл, тем тяжелее ему становилось, тем чаще песок с краев осыпался, рушился и засыпал вырытую яму. Докопав до уровня воды, он начал выбрасывать грязные комья песка как можно дальше от ямы, но вдруг песок под ним дрогнул, он резко попытался встать, но этим лишь усугубил свое положение. Он провалился в песок с головой, так что его уже не было видно. Я побежал к нему.

Он тонул. Тонул в песке, хотя вокруг был бескрайний океан. Его лицо показалось мне знакомым. Я должен был спасти его, я ухватился за воротник его футболки обеими руками и тащил его, когда как во всех сторон песок, как волны, сыпался, засыпая его.

– Что ты делаешь? – кричал он мне – Беги! Здесь можно рыться вечно. Беги!

Он толкнул меня. Я упал на спину, на мгновение сконфуженный происходящим, а когда очнулся и встал, его макушка навсегда ушла в песок. Только сейчас я вдруг осознал всю странность этого события. Кто это был?

Неожиданно сбоку замельтешило что-то белое. Я обернулся и увидел еще одного человека, идущего по моим следам. Это был мой знакомый, я знал его когда-то давно, но мы не общались долгое время. За ним шло еще несколько человек, некоторые так же были мне знакомы, но большинство я не знал. Они как будто выросли из песка. Все как один остановились и уставились на меня. Они не узнавали меня, я их.

Это было жутковато, мне захотелось уйти, и я медленно пошел в противоположную от берега сторону. Но стоило мне подняться на холм, как передо мной возникли тысячи лиц, которых я, как мне казалось, никогда не видел. Я помнил некоторых, некоторые были мне дороги и мне хотелось подойти к ним и расспросить обо всем.

Все они смотрели на меня пустыми глазами на ничего не выражавших лицах, как зомби, не отводя взгляд. Я развернулся, желая уйти, но они окружили меня. Я медленно пошел между ними, заглядывая в каждое лицо, понимая, что видел его где-то, но не мог припомнить, где.

Взглянув на очередное лицо пожилого мужчины, я вдруг попал в приемную кабинку банка, где получал перевод, а мужчина этот, протягивая мне бумагу, указал три места, где я должен был оставить свою подпись.

Я отпрянул, снова очутившись у берега. Другое лицо перенесло меня в детство, в дом, где я вырос, и, играя на улице, я узнал в безжизненном лице моего соседа, что был всегда добр ко мне. Еще одно лицо было из какой-то придорожной кафешке, куда я заглянул месяц назад. Официантка показалась мне симпатичной и милой, так что я запомнил ее, и вот она здесь. Теперь я иду по оживленной городской улице и вижу приятные лица нескольких человек, которые теперь здесь, среди толпы.

Стюардесса, таксист, библиотекарь, продавец – я видел все эти лиц когда-то. Неужели это моя память? Я судорожно начал искать в гряде лиц одно единственно важное для меня, но нигде не находил. Мне хотелось еще раз взглянуть на него, еще раз прикоснуться к нему, я стал подпрыгивать, метаться из стороны в сторону, кричать, звать его, отталкивая ненужных знакомых, которые вдруг вздумали хвататься за меня, цеплять меня руками, как ветви в лесу.

Мне снова приходилось вырываться, биться с ними, но они с напором обрушивались на меня, будто бы желая остановить. Я не мог уйти, не затронув самого важного для меня воспоминания, я не хотел помнить ничего другого, я хотел остаться в том, дорогом мне месте. Я не хотел

уходить, я должен был вспомнить лицо, глаза, волосы, улыбку, но не мог. Эти гадкие воспоминания наваливались на меня снова и снова, я слабел под их напором, их гнетом.

“Здесь можно рыться вечно” – вспомнил я слова утонувшего в песке. Ведь все эти лица – песчинки, в которых так легко увязнуть. Они цепляются за меня, тянут вниз, каждый в свое воспоминание, делят меня на миллионы маленьких частиц. А ведь любая песчинка когда-то была камнем. И вот что от него осталось – жалкая, ничтожно мелкая пылинка.

Все эти люди – не те, кого я знал. Я знал камни, но время стерло их в песок. Я вырвался из их рук, несясь вперед, расталкивая всех, кто смел встать у меня на пути, и со всех ног врезался в воду, будто бы что-то с силой ударило по ногам.

Я упал, и на секунду все стало тихо. Я погружался в мягкое пространство океана, он качал меня, как мать качает на руках дитя. Нужно было плыть. Я перевернулся в воде, нащупал песок и хотел было встать в полный рост, как вдруг чьи-то руки схватили меня за ноги и начали тянуть вниз. Весь песок был пропитан воспоминаниями. Я руками вцепился в сжатые на моих ногах кулаки и пытался разжать их, но не получалось. Я бил их, но они крепко держали меня. Сила здесь

ничего не решала, я должен был отпустить все это, я должен был отказаться от памяти, потому что мир, в котором я жил, только мешает понять себя.

Теперь я живу здесь и должен действовать по здешним правилам. Неужели мне нужно снова умереть, чтобы продолжить путь? Я вдруг почувствовал, что устал бороться, устал дергаться, рваться, бежать. Я был в безопасности здесь, ничто не могло убить меня, здесь все подвластно мне, я управляю всем, что вижу, слышу и ощущаю, я создаю эти миры, все это – я, все это – мое сознание, и если мне нужно освободиться, нужно лишь захотеть этого, если нужно перестать чувствовать запахи, прикосновения, боль – нужно всего лишь захотеть, всего лишь использовать свою власть над собой. Нужно работать в самом себе, нужно быть главой самого себя и не позволять обстоятельствам брать верх.

Я снова ощутил безумную легкость, меня просто выталкивало на поверхность, меня больше ничего не держало, я был абсолютно свободен. Я вынырнул. Смахнув с лица капли воды, я оглянулся и увидел небольшой по размерам остров, где теснилось несколько тысяч людей, может больше. Все они махали мне рукам, прощаясь, и пели. Их голоса сливались в один единый звук,

пробирали насквозь, пронзали все пространство. Это было чудесно.

Я медленно уплывал от них, но их голоса были слышны всюду, будто бы эхо плыло вместе со мной, будто бы я двигался вместе со звуком. Становилось темно, и на острове зажглись тысячи голубых фонарей. Все они плавно двигались, все как один организм, похожий на медузу. Она неспешно плыла по небу, ее шапочка медленно и грациозно расширялась и сужалась, плывя в безвоздушном пространстве. Она выглядывала из-за туч то там, то тут, она растворялась в ночной тьме, угасая с каждой секундой. Но песнь ее все еще гудела где-то в вышине.

Это было нечто большее, чем сама песня, музыка, мотив, слова. Это была песня души, которую нужно ощущать, а не слышать.

Я плыл, не чувствуя усталости, и, кажется, проплыл достаточно много. Казалось, острова уже не увидеть, но на самом деле, будь сейчас светло, он был бы не так уж и далеко. Я плыл, не зная, куда плыть, с исчезновением медузы я потерял последний ориентир. Везде было одинаково темно, мне даже казалось возможным, что я и вовсе плыву обратно к острову. В жизни всегда так: тебе дают толчок, а дальше – полное равнодушие.

Я плыл в полной тишине, рассекая воду то правой, то левой рукой, пока вдруг не услышал в моих равномерных всплесках посторонние звуки, будто бы что-то еще плыло вместе со мной, и не с одной стороны.

Я остановился и с минуту держался на воде. Было все так же тихо. Я продолжил плыть, но снова услышал посторонние всплески. Я вспомнил лес и сопровождавших меня громил, и мне показалось, что этот момент настал снова. Снова с обеих сторон от меня движутся мои стражи, огромные, неведанные мне прежде, но все же мои.

Я больше не боюсь их, это какая-то часть меня, неизвестная мне самому. Я плыл и искоса поглядывал на них, на их огромные чешуйчатые спины, выступающие из воды, на их хвосты, вздымающиеся вверх и бьющиеся о воду с огромной силой и мощью, я любовался их грации, присущей всем морским существам, а главное – их размерами. Они были больше, чем я, больше, чем звери в моем лесу, больше, чем остров, на котором я был недавно. Они могли быть кем угодно, чем угодно и каким угодно. Они могли быть даже больше океана, ведь я видел лишь малую их часть и мог лишь догадываться, что скрыто под водой.

Они сопровождали меня всю ночь, всю ночь я без устали плыл неизвестно куда, неизвестно под каким ориентиром. Солнце зашло над тучами, было пасмурное и серое утро, волн не было, потому что не было ветра, но прохлада ощущалась. Мои спутники исчезли так же незаметно, как и появились, я плыл один, опустив голову в воду и наблюдая за пустым и темным водным пространством подо мной. Там ничего не было, ни единой живой души. Это огромное пустое пространство внутри меня – зачем оно здесь? Почему его так много? Чем заполнить его?

Моя рука вдруг коснулась земли, я поднял голову и передо мной оказался еще один остров. Крохотный островок с одной лишь греческой колонной, заросшей зелеными кустами, лианами и мхом. Его можно было обойти за несколько секунд: с пляжа шло возвышение к колонне, за ней дерево, а за ним – обрыв. Больше ничего. Он был как оазис в пустыне.

Куда плыть дальше я не знал, поэтому решил остаться на этом крохотном островке. Я сел у берега и смотрел вдаль, ни о чем не думая, слушая лишь шум волн и представляя крики чаек, теплоту припекающего солнца и, может быть, легкий свежий ветерок, дующий с океана. Мне не хотелось лезть в воду, но я будто бы затерял-

ся в своем же собственном океане, я не знал, что делать дальше, куда и зачем держать путь. Я зашел слишком далеко, чтобы вернуться или отступить, но я все еще далек от цели, от разгадки, от истины.

Вдруг очередной волной к моей руке принесло что-то холодное, металлическое. Это оказался ключ, старый, почерневший, но не ржавый, со странным узором, похожим на дерево. Я встал и, оглядев островок, все понял. Где-то там, на верху, должна была быть замочная скважина, но ее не было видно. Я принялся искать ее на ощуп, водя пальцами по стволу дерева.

Наконец, щель была найдена. Я вставил ключ, два раза провертел его на 360 градусов, и дверь чуточку приоткрылась. За ней был длинный коридор с множеством дверей по обе стороны. Конца не было видно. Двери были разных цветов, некоторые деревянные, некоторые железные, новые и старые, только что выкрашенные или уже выцветшие, с облупившейся краской.

Я неуверенно ступил вперед, а когда оглянулся, двери уже не было, был тот же коридор с еще более разнообразными дверьми. Между ними, почти у потолка, висели лампы с больно бьющим по глазам ярким желтым светом. Я шел по коридору, не решаясь заглянуть ни в одну

дверь, тихо ступая босыми ногами по красному ковру, взятому из какой-то богатой гостиницы.

Вдруг я наступил на что-то мокрое. Из под одной двери текла вода, однако шума не было слышно. Я дотронулся до ручки, как вдруг из другой двери на противоположной стороне, находящейся через две от той, где стоял я, в той части коридора, какую я уже прошел, раздался шум. Я остановился, не двигаясь, не поворачивая головы, стараясь уловить краем глаза, что могло послужить ему причиной.

Меня обдало холодным потом: темная фигура смотрела на меня в упор, стоя в чуть приоткрытом дверном проеме, не двигаясь. Я видел его светящиеся глаза, две круглые белые точки где-то на лбу. Фигура не была похожа на человеческую, а скорее на нарисованную черным карандашом детскую страшилку.

Мы стояли так, не двигаясь, несколько минут, которые казались мне вечностью. Он пугал меня, а я не знал. Это было что-то мое, что-то, что пугало во мне меня самого, но я даже не знал, что это. Я непроизвольно дернулся, шея затекла и не могла больше держать голову. Это спугнуло моего наблюдателя и он исчез, хлопнув дверью.

Я выпрямился и с минуту не знал, что делать дальше. Мне хотелось заглянуть в ту комнату,

куда он сбежал, она пугала и завораживала. Но тут неожиданно все остальные комнаты одна за другой стали греметь, кричать, испускать дым из под дверей, которые ломились от переполнявшего комнаты содержимого.

Дверь, у которой стоял я, тряслась, трещала, из щелей меж дверью и косяком сочилась вода. Казалось, она вот-вот вылетит, как пробка из шампанского. Все пришло в движение, все сходило с ума. Раздался грохот, и я увидел, как из дальней двери в глубине коридора высовывается огромная лапа чудовища. Она искала что-то на ощуп, пытаясь схватить и затянуть в комнату, дверь от которой превратилась в щепки.

Кто-то начал бешено стучать по своей двери, будто на него надвигалось что-то ужасное. Из других дверей слышались крики, человеческие или нет – я не мог разобрать. Сыпались перья, валил дым, из одной двери сочились облака. И тут все подпрыгнуло, затряслось, оглушающий грохот пронесся по всему коридору, я свалился на мокрый пол. В дверь с другой стороны на полной скорости врезался дирижабль, выбил ее вместе с кусками стены, и медленно начал падать вниз.

Поднялась пыль, я почти ничего не видел, но пытался подняться. Размахивая руками, очищая

пространство от серой пелены и вглядываясь вглубь коридор, я с ужасом заметил, как на меня бежит огромный, еле помещающийся в коридоре, мускулистый носорог. Я побежал. Я слышал, как поток воды выбил дверь и теперь разливался в обе стороны, догоняя и обгоняя меня, я слышал, как со всех сторон рушились стены, что-то громыхало, взрывалось.

Двери с бешеной скоростью вылетали, как только я пробегал мимо, ударяясь друг о друга и разлетаясь в щепки. Я снова ощутил, как с обеих сторон от меня движется что-то огромное, пробивая стены, бежит сквозь комнаты вместе со мной, разрушая все на своем пути. Все рушилось за спиной, все превращалось в груды камней и дерева, помятое железо. Все исчезало.

Стены рушились, обнажая огромное, пустое и темное пространство за ними, где и были собраны все комнаты. Я бежал мимо сотни новых дверей, как вдруг огромная трещина прошла поперек моего пути, и весь коридор медленно начал падать, переламываться, перемалываться, крошиться на сотни мельчайших частиц, плавающих в пространстве, кружить, как в мясорубке.

Я остановился, пока стены и потолок вокруг меня падали и медленно парили в черной бесконечной невесомости. Остался только я и до-

рога, которой я пришел – все остальное кануло в бесконечность, в темную материю, не имеющую в себе ничего, но в то же время являющей собой абсолютно все.

Я добрался до места, я был в пункте назначения, я стоял над пропастью, куда мне следует упасть, в безграничную пустоту, в мир без жалких и ограниченных мыслей, в мир без слов, соединенных в предложения. Не в мой мир, не в чужой – во все миры сразу, во все возможные их вариации, во все, что могло быть, во все, что могло случиться, во все, что не случилось. В абсолютное все, живущее в каждом из нас, но ограниченное жизнью, восприятием, представлениями, нелепыми понятиями, названиями и прочей несущественной человеческой чепухой.

Все мои мыли, все мои знания, все мои страхи, чувства, воспоминания – все это затерялось в безграничной, неподдающейся описанию пустоте, все это так ничтожно мало по сравнению с ней, все это так ограничено.

Я сидел у обрыва, не решаясь сделать шаг. Я боялся, меня пугала ее безграничность, я не мог постичь всех ее истинных размеров, потому что их у нее не было, ее нельзя было свести к чему-то одному, как это делают люди, она была всем. Отдаться ей – значило навсегда забыть о

мире, в котором я живу, умереть для него, потерять с ним последнюю связь. Значило перестать мыслить, перестать быть собой, слиться со всем сущим, стать всем, а точнее, перестать существовать.

Я не мог решиться. Что-то держало меня у самого края, меня завораживала эта пустота, это ощущение близости чего-то поистине огромного. Меня держала радость наблюдения, которая исчезнет, как только я стану частью чего-то.

